

Возможно, и есть такие, в которых я возбуждаю чувство жалости, но я этого не ощущаю. Моя небольшая торговая контора требует от меня столько забот, что голова трещит, а особых перспектив я не вижу, ведь дело-то у меня очень небольшое. Я уже заранее должен обо всем распорядиться, следить, чтобы приказчик ничего не забыл, предостеречь его от возможных ошибок и каждый сезон учитывать моды следующего, и не то, что будут носить в моем кругу, а то, что понравится далекому провинциальному покупателю.

Мои деньги в чужих руках; обстоятельства этих людей мне неизвестны; я не могу предвидеть, какая беда на них обрушится; как же я могу ее предотвратить? Что, если одних обуял дух расточительства и они кутят где-нибудь в ресторане, а другие не сегодня-завтра сбегут в Америку, а пока кутят вместе с ними?

Когда наконец вечером, после рабочего дня, я запираю свою контору и мне вдруг становится ясно, что в течение нескольких часов я не буду трудиться на пользу своего дела, требующего от меня непрестанных хлопот, вот тут-то ко мне возвращается, словно отхлынувшая обратно волна, остаток той энергии, которой я зарядился с утра; меня распирает от этой ни на что не направленной энергии, она рвется наружу и увлекает меня за собой.

Однако я не могу воспользоваться таким своим настроением; все, что я могу сделать, – это пойти домой, потому что лицо и руки у меня грязные и потные, костюм в пятнах и пыли, на голове рабочая кепка, а на ногах башмаки, исцарапанные гвоздями от ящиков. Я несуясь, как на волнах, прищелкиваю пальцами то одной, то другой руки, гляжу по головке встречных детишек.

Но иди мне недалеко. Я уже дома, открываю дверцу лифта и вхожу в кабину.

И вижу, что я вдруг совершенно один. Другие, которым приходится подыматься пешком, утомляются и не могут отдохнуться, дожидаясь, пока им отворят дверь, у них есть повод для недовольства и раздражения, они входят в переднюю, вешают шляпу, идут по коридору мимо нескольких застекленных дверей к себе в комнату и только там оказываются одни.

А я уже сейчас в лифте один и смотрю, опервшись на колени, в узенько зеркало. Когда лифт начинает подыматься, я говорю: «Успокойтесь, отойдите, куда вам хочется, под сень деревьев, за оконные портьеры, в зелень беседок!»

Я говорю с озлоблением. А за матовыми стеклами кабины скользят вниз лестничные перила, словно течет быстрая река.

«Летите прочь; пусть ваши крылья, которых я ни разу не видел, унесут вас в деревню или в Париж, если уж вас так тянет туда.

Но посмотрите в окно, когда со всех трех улиц на площадь вливаются демонстрации, не уступая друг другу дороги, перепутываясь, а за их последними рядами уже снова возникает пустая площадь. Машите платками, возмущайтесь, умиляйтесь, славьте нарядную даму, проезжающую мимо.

Перейдите по деревянному мостику через речушку, улыбнитесь купающимся детям, порадуйтесь громовому «ура» тысячи матросов на дальнем крейсере.

Пойдите следом за незаметным прохожим и, затащив в подворотню, ограбьте его, а потом, засунув руки в карманы, поглядите каждый, как он печально побредет дальше и свернет за угол.

Скачущие врассыпную полицейские осаживают коней и оттесняют вас. Ну и пусть, безлюдные улицы портят им настроение. Вот, пожалуйста, они уже едут обратно по двое в ряд, шагом огибают угол улицы, вскачь несутся через площадь».

Пора выходить. Я спускаю лифт, звоню, горничная открывает дверь, и я здороваюсь с ней.